

УДК 168.522:167:009

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОЕКТИВНОСТЬ: ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СТРАТЕГИИ ЗНАНИЯ

М.С. Киселева

Институт философии Российской академии наук, г. Москва, 109240, Россия

Аннотация

В статье проводится различие методологических стратегий гуманитарного дисциплинарного и междисциплинарного знаний. Утверждается, что дисциплинарная структура гуманитарного знания поддерживается жёсткой связью предметности гуманитарной науки и исследовательской стратегии учёного, работающего в своей дисциплинарной области. Без поддержания дисциплинарной структуры современная гуманитаристика теряет свой научный статус. Междисциплинарность же требует иной методологической стратегии, которая определяется автором как проективная. Автор относит её разработку к сфере особого рода научной работы – созданию такого пространства, которое не может быть апроприировано какой-либо дисциплиной, но являет собой проективное поле для расширения смыслов в понимании разнообразных возможностей пространственных и временных состояний человека, культуры и социума.

Показана сложность и противоречивость сосуществования двух указанных стратегий в вопросе выбора и обоснования языка междисциплинарной коммуникации; в практиках научного роста разработчиков междисциплинарных стратегий; в вопросах финансирования междисциплинарных проектов; в определении статуса междисциплинарности в структуре дисциплинарно организованной науки. Обсуждаются проблемы обучения современным практикам дисциплинарных исследований и овладения междисциплинарными стратегиями в условиях постоянных реформ в гуманитарном образовании. Междисциплинарная проективная деятельность, по мнению автора, стимулирует развитие образовательных цифровых технологий и мультиплицирует формы и виды научной коммуникации, что способствует её привлекательности для нового поколения гуманитариев.

Ключевые слова: дисциплинарное и междисциплинарное знание, предметность, проективность, исследование, метод, гуманитаристика, новые образовательные технологии

В философской методологической литературе зафиксировано различие в организации *внутри*дисциплинарных исследований (см. о них [1–3] и др.) и работ в *междисциплинарной* области (см., например, [4]). Рефлексия об особенностях последних усилилась в отечественной науке в конце XX в. и до сих пор продолжает оставаться чрезвычайно актуальной¹.

¹ См. публикацию материалов «круглого стола» на тему «Проблема междисциплинарности в контексте реформ российской науки» [5], в работе которого автор принял участие. Данную статью следует рассматривать как развитие и аргументацию тех положений, которые были высказаны в обсуждении.

Междисциплинарное знание заявило о себе в 20-е годы XX столетия в тех областях деятельности человека, которые были связаны с архитектурными и инженерными проектами², а затем с дизайнерскими и эргономическими разработками, объединявшими научные и прикладные интересы философов, методологов, психологов, инженеров и художников в общем проективном пространстве промышленного эргохудожественного конструирования³.

В 1965–1969 гг. группой методологии дизайна Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики руководил известный философ и методолог Г.П. Щедровицкий (1929–1994), развивавший теорию проектного мышления и проектной деятельности (см. работы названного автора и его сотрудников [9, 10]). Для нашей темы важно отметить, что идеи, рассматриваемые в области дизайна, затем были распространены на лингвистику (см. [11]) и педагогику (см. [12]). Разработка методов решения практических задач в самых разных областях профессиональной деятельности стала фундаментом основанного Г.П. Щедровицким Московского методологического кружка. Совершенно очевидно, что методологические проблемы, обсуждаемые этой школой, способствовали расширению междисциплинарности как основной стратегии гуманитарного знания.

Для дальнейшего анализа важно сформулированное П.В. Малиновским, последователем Г.П. Щедровицкого, принципиальное методологическое различие между дисциплинарными исследованиями и междисциплинарной деятельностью. Исследование, как пишет автор, всегда предметно-дисциплинарно, тогда как междисциплинарная деятельность проективна, а потому не может создать междисциплинарного предмета. Исследование – это то, «что позволяет в предмете представлять факты таким образом, чтобы объект у нас был» [4]. Описанная конструкция кантианского толка вполне узнаваема в исследовательской ситуации, когда учёный работает внутри своего предметного поля, используя принятые *специальные методы* своей гуманитарной дисциплины, и формирует ту событийную историю или ту текстуальность, которая опознаётся затем как объект проведённого им исследования.

Приведу пример. Филолог и историк русской культуры профессор В.М. Живов в предмете исследования (текстах древнерусской книжности) своей работы «Разыскания в области истории и предыстории русской культуры» представил дискурсы, описывающие факты культуры. Они свидетельствуют, что русская культура есть *объект*, обладающий своей историей. Обратим внимание на жёсткую связь предметности и исследовательской стратегии историко-филологической науки (разыскание документов, их историографический и текстологический анализ, комментирование, расширение источниковедческой базы и т. д.).

² Например, Баухауз (Bauhaus), основанный в 1919 г. в Веймаре, затем Дессау, – учебное заведение, в котором проектная деятельность архитекторов соединялась с художественными и прикладными задачами достижения комфортности и красоты, ориентированной на массового потребителя. Как архитектурное направление может быть рассмотрено в рамках широкого движения к структурно-функциональному способу практического и теоретического осмысления человеческой деятельности, нашедшего своё продолжение в разработке методологии системных исследований в разных областях научного знания во второй половине XX в.

³ В СССР разработки по теоретическому дизайну и промышленному искусству как области междисциплинарных практик публиковались на страницах журнала «Декоративное искусство СССР» (с 1957 г.). См., например, работы К.М. Кантора (1922–2008), заместителя главного редактора тех лет [6–8].

Эта связь поддерживается дисциплинарностью филологии как научного знания и её методологической оснасткой.

Итак, *научное исследование – это всегда дисциплинарное знание*. Заметим: когда руководители российской науки из Федерального агентства научных организаций высказывают надежды на «перспективные междисциплинарные исследования», происходит произвольное соединение не сочетаемых по своему смыслу понятий. Междисциплинарность и дисциплинарные исследования – взаимодополняемые, необходимые и на сегодняшний день важные формы существования науки, но в них реализуются разные стратегии получения знания. И это важно понять! Произошедшее и продолжающееся происходит повсеместное объединение гуманитарных дисциплин в общее, *как бы* междисциплинарное социально-гуманитарное знание, особенно в образовательных процессах (объединение кафедр, закрытие специализаций и т. д.), приведёт, если уже не привело, к большим потерям, что, безусловно, есть следствие неразличения стратегий дисциплинарности и междисциплинарности в гуманитарной науке. Пренебрегая дисциплинарностью, мы рискуем потерять гуманитарную науку.

Представим, что историков перестали обучать архивной работе: искать новые документы, анализировать их, заниматься реконструкциями, то есть прекратили преподавание так называемых вспомогательных исторических дисциплин (название не очень удачное, поскольку не отражает исключительной предметной важности этих дисциплин, за которыми стоит всё обеспечение архивного труда историка). Если междисциплинарность оставить без дисциплинарности в гуманитарных науках, то в какую сторону будут направляться междисциплинарные проекты гуманитарного профиля? Ответ очевиден: в сторону социальных и политических запросов сегодняшнего дня. Знания о прошлом, собственно исторические дисциплины, как и история литератур и языков, исследования редких языков, сложные археологические или архивные работы уйдут на второй план... Если отказаться от дисциплинарных институций, кто научит будущих учёных нормам и правилам проведения полевых этнографических и фольклорных экспедиций, принципам изучения традиционных верований и ритуалов? А текстология? Эта сложнейшая работа по подготовке и публикации текстов требует знания многих специальных дисциплин. А архивы философских текстов? Между тем серьёзные дисциплинарные изыскания, которые ведутся с 1990-х годов, дали возможность состояться большим открытиям и публикациям многотомных трудов Г.Г. Шпета (1879–1937), Ф.А. Степуна (1884–1965), Г.П. Федотова (1886–1951) и других репрессированных или вытолкнутых в эмиграцию философов послереволюционной России. Эта деятельность показала, как много неразобранных архивов, как много требуется усилий профессионалов для передачи опыта архивной и историко-философской работы, чтобы история российской философии могла во всей полноте быть доступна читателям (см. [13, с. 5–50]).

Каков современный учёный-гуманитарий, работающий в рамках своей дисциплины? Ответить на этот вопрос поможет двухтомный труд Ги Тюилье (Guy Thuillier, p. 1932) «Введение в мастерство историка» (“Introduction au métier de l’historien”), первый том которого назван «История между мечтой и разумом» (“L’histoire entre le rêve et la raison”). Тема не новая, идея вполне романтическая, укоренённая в европейской традиции, которую, как оказалось, не смогли

сокрушить постмодернистские старания последних 40 лет. Французский историк даёт молодым коллегам давние, но абсолютно актуальные, на его взгляд, рекомендации. Так, чтобы писать историю, нужно сначала *мечтать* о ней... «Весь путь историка – это накопление, переплетение, уточнение, высмеивание, осуществление или отбрасывание грёз» (цит. по [14, с. 300]). Автор показывает важность интуиции, способности вжиться в историческую эпоху, предостерегает от «порока сциентичности», указывает на необходимость иметь «дар рассказчика» и «инстинкт охотника» [14, с. 301]. Своевременны его напоминания о рефлексии желаний, о заботе о своём теле как инструменте познания, о помехе карьерных интересов в реализации профессиональной мечты, о жестокости, об удовольствии, а особенно *об одиночестве* – неременном условии всего выше-сказанного. Всё, о чём написал Тюилье, можно назвать подробной профессиональной инструкцией современному историку – человеку и профессионалу.

Собранные здесь соображения и примеры свидетельствуют об одном: дисциплинарность – основа гуманитарного знания, главная стратегия воспроизводства и сохранения его академического профессионализма. Однако следует ли из этого, что современная гуманитарная наука существует только в этом *исследовательском* дисциплинарном статусе?

* * *

Поставим вопрос: как, исходя из преднамеренной неопределённости – начала междисциплинарного действия, получить *определённое* пространство, которое не будет апроприировано какой-либо дисциплинарностью, а создаст проективное, некое «брошенное вперёд» (букв. перевод лат. *projectus*⁴) поле существования гуманитаристики? Противоречие налицо, ведь получить в результате междисциплинарной деятельности *предмет*, дисциплинарно представленный в структуре научного знания, невозможно⁵. Но *что* тогда можно достигнуть междисциплинарными стараниями? Результатом междисциплинарных стратегий становится *проективная реальность* (не путать с проектной, осуществляемой по заданию!), и цель её не прояснение предметности, за которой конструируется объект. Связывая разнопредметные знания в проективной деятельности, гуманитарная наука обретает *новые* смыслы, которые нуждаются в текстовом выражении. В проективной деятельности соединяются уже имеющиеся знания разных предметных областей для нового гуманитарного междисциплинарного пространства, в котором затем возникают иные исследовательские возможности для каждой из предметных областей дисциплинарного знания.

Представляется, что междисциплинарная проективная деятельность может осуществляться как одним учёным, способным обращаться к разным предметностям (здесь уместно вспомнить труды Ю.М. Лотмана), так и совместными усилиями представителей разных дисциплин. Однако она не есть сумма предметностей, а *проекция своей предметности* [4] на задачи, материал, стратегию

⁴ <https://slovar.cc/rus/usakov/441551.html/>.

⁵ С этой проблемой сталкиваются соискатели учёных степеней, работающие в междисциплинарных областях знания, когда пытаются внятно осветить пункт, принятый к исполнению в авторефератах диссертаций, об объекте и предмете исследования. Сложность заключается в том, что междисциплинарность никак не может быть специализирована в структуре паспортов научных специальностей Высшей аттестационной комиссии.

и методы, которые ещё должны объединить усилия участников *в осмыслении междисциплинарной проблемы*.

Междисциплинарная стратегия – это не строго разработанный проект, определённый заранее. Она формируется в коммуникативном единстве разных предметностей и, что совершенно нормально, может сопровождаться выходом в исследование предметности и возвращением в междисциплинарное поле. Безусловно, это открытая, то есть проективная деятельность, предполагающая не обмен продуктами дисциплинарности, а коммуникацию деятельностных усилий учёных. Однако и работа одной «междисциплинарной головы» абсолютно реальна. Такой исследователь включается в междисциплинарное поле через разнообразные формы научных коммуникаций: профессиональные интернет-форумы, научные конференции, онлайн-библиотеки, круглые столы, личные консультации с учёными – специалистами по конкретным проблемам дисциплинарного знания и т. д. Так создаётся весьма подвижная, открытая и готовая изменять свою текстовую конфигурацию проективная площадка междисциплинарного гуманитарного знания.

* * *

Описав методологическое различие стратегий в разработке дисциплинарных исследований и междисциплинарной проективности, нельзя не указать на проблемы, которые показывают сложность осуществления междисциплинарных стратегий в рамках дисциплинарно структурированной науки (о попытках механического упразднения дисциплинарной дифференциации и возникающих в связи с этим рисках было сказано выше).

Во-первых, коммуникационный характер междисциплинарности ставит проблему как языка самой коммуникации, так и языка описания междисциплинарной проективности. Вопрос состоит в следующем: предполагается ли в каждом случае создание нового понятийного междисциплинарного словаря или можно удовлетвориться имеющимся узусом дисциплинарных наук? Если верно второе, то язык какой предметной области следует предпочесть? Известно, что одно из значений слова «узус», взятое из римского права, – «пользование чужой вещью»⁶. В гуманитарном знании пользование понятийным языком другой предметности (даже не обязательно гуманитарной) – достаточно распространённое явление. Но совсем не всегда эта процедура работает на междисциплинарную проективность, в чём я тоже вижу проблему. Очевидно, её решение – в процедурах допущения и обоснования. Рефлексия над выбором преимущественного предметного узуса или конвенции необходима, чтобы трансформация языка в междисциплинарной проективной деятельности не тормозила работу участников и, разумеется, отвечала её задачам.

Во-вторых, невозможно не видеть противоречия между институциональным устройством современной науки и приращением междисциплинарных областей знания. Понятно, что создание междисциплинарного совета по защите диссертаций невозможно именно потому, что междисциплинарность непредметна. Из этого вытекают существенные проблемы междисциплинарно ориентированного

⁶ <https://slovar.cc/rus/inostr/1416084.html/>

учёного, поскольку сосредоточенность на подобных проектах может стать помехой для развития его карьеры. Такому исследователю нужно быть готовым к тому, что написанной им книге по междисциплинарной проблематике будут присваивать индексы универсальной десятичной классификации (УДК) и библиотечно-библиографической классификации (ББК), которые воспроизводят дисциплинарную структуру науки. И в библиотеках, и в магазинах междисциплинарная направленность издания не будет заметна. Правда, выход из этого положения есть – интернет-пространство, предоставляющее площадки для создания междисциплинарных контактов⁷. Однако и трансляции междисциплинарного опыта обнаруживают трудности: учёный и его ученики, ориентированные на междисциплинарные исследования, могут работать в разных предметных областях.

Как было отмечено, современное научное знание устроено дисциплинарно и в этой форме воспроизводится, что представляет проблему для институализации междисциплинарности. Для примера обратимся к судьбе Института человека Российской академии наук. Созданный в 1992 г. по инициативе академика И.Т. Фролова (1929–1999) как междисциплинарная по своему замыслу институция, он в 2005 г. был преобразован в отдел, а затем разделён на два сектора в Институте философии РАН. Тема исследований этого отдела⁸, как и одного из направлений грантовых исследований в гуманитарном отделении Российского фонда фундаментальных исследований⁹, – «комплексное изучение человека», что можно рассматривать как некий компромисс для признания междисциплинарности фактом современного состояния науки. Однако институциональный статус отдела находится в ряду других *предметно определённых дисциплин*. Такова участь междисциплинарной организации в дисциплинарно устроенной науке.

В-третьих, всякий раз, когда возникают вопросы финансовой поддержки междисциплинарных проектов, возможному спонсору (научному фонду или организации) необходимы аргументы, почему такой проект следует финансировать из средств, выделенных для определённой предметной дисциплинарной области. Безусловно, такая ситуация порождает конфликты и не способствует поддержке междисциплинарных проектов.

* * *

Итак, мы видим необходимость поиска способов соединения и установления контактов между дисциплинарностью и междисциплинарностью в современной гуманитаристике. Такой опыт постепенно накапливается как в научной, так и в образовательной сферах.

Легче всего, как мне представляется, современная дисциплинарная наука усваивает «междисциплинарные приложения» внутри структурированного дисциплинарного знания. Сошлюсь на свой опыт. В 2012 г. я участвовала в работе

⁷ См., например, <https://www.academia.edu/>.

⁸ См., например, отчёт о научной деятельности за 2014 г. двух секторов, сотрудники которых ранее работали в Институте человека РАН: сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики (<http://iphras.ru/page22068661.htm>) и сектор методологии междисциплинарных исследований человека (<http://iphras.ru/page25981019.htm>).

⁹ См., например, научные направления, по которым принимаются заявки в рамках конкурсов Российского фонда фундаментальных исследований (<http://www.rfh.ru/index.php/ru/dokumenty/klassifikator>).

проходящего в МГУ коллоквиума, где рассматривались возможности *междисциплинарных подходов* (кстати, это словосочетание общеупотребимо в научной лексике) в преподавании учебных курсов студентам-историкам¹⁰. Участники – в основном профессиональные преподаватели-историки – обсуждали, по существу, расширение межпредметных связей внутри предметно-дифференцированной дисциплины истории, а также предлагали включить в обучение спецкурсы из других гуманитарных дисциплин (страноведения, философии права, искусствознания и т. д.). Это была дискуссия о новых видах преподавательской работы, в ходе которой был сделан вывод: пришло время пересмотра учебных программ на интегративной основе. Понятно, что речь шла не о междисциплинарной проективной деятельности.

Образование, как известно, консервативная институция, фундамент всего здания науки. Организационные структуры обучающих процессов, начиная со школы и заканчивая высшими учебными заведениями, имеют предметный характер¹¹. При этом в высшей школе предметность усиливается за счёт исторически сложившихся фундаментальных факультетских и кафедральных форм, питаемых специализированными диссертационными советами. Возможно ли в такой структуре сообщать междисциплинарные знания и привлекать студентов к проективной деятельности? Я вижу только один путь – сочетание учебных программ по дисциплинам с практическим участием студентов в междисциплинарной проективной деятельности. В вузах такая работа может осуществляться на площадке какой-либо дисциплины в том случае, если она организовывается междисциплинарно ориентированным учёным.

Новые возможности для междисциплинарной проективности открыли цифровые гуманитарные проекты. Теперь уже твёрдо можно говорить о насыщении гуманитарного информационного поля интернет-технологиями. В нём располагаются центры/лаборатории *цифровых гуманитарных наук*, открытые к принятию новых проекций дисциплинарных знаний и расширению на постоянной основе гуманитарного междисциплинарного поля. Так, в 1992 г. в России была образована Ассоциация «История и компьютер» (АИК)¹². В октябре 2014 г. в рамках XIV Международной конференции АИК был организован Круглый стол «Digital Humanities: дискуссионные вопросы»¹³, где обсуждались и технические проблемы обеспечения цифровых гуманитарных наук, и содержательные вопросы расширения междисциплинарных полей внутри исторической дисциплины. В октябре 2016 г. состоится XV Международная конференция АИК, посвящённая междисциплинарному по своему существу проекту – историческим исследованиям в цифровую эпоху в области информационных ресурсов, методов и технологий¹⁴. Такого рода проекты поддерживаются фондами

¹⁰ Коллоквиум «Междисциплинарные подходы в изучении европейских религиозно-культурных традиций». – URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/seminarmed7.htm>, свободный.

¹¹ Хотя в настоящее время предлагается и альтернативное школьное образование, основанное, например, на вальдорфской педагогике.

¹² <http://aik-sng.ru/>.

¹³ См. научную программу конференции (http://www.hist.msu.ru/Labs/HisLab/News/AIK-14_program.pdf).

¹⁴ См. Исторические исследования в цифровую эпоху: информационные ресурсы, методы, технологии: Материалы XV Междунар. конф. ассоциации «История и компьютер» (М.; Звенигород, 7–9 окт. 2016 г.). – М.: МАКС Пресс, 2016. (Инф. бюл. Ассоциации «История и компьютер». – № 45. Спецвыпуск.)

и представляют собой реальный мост между дисциплинарными исследованиями и продвижением междисциплинарности в гуманитарных науках.

* * *

И в заключение несколько слов о философии. Абсолютно верно замечание, что философия (букв. «любовь к мудрости») не расчленила свою любовь по дисциплинам, любя одну более другой. Вершину «философской междисциплинарности» создал Гегель своей «Энциклопедией философских наук», изданной в 1817 г., когда естествознание уже сложилось в круг самостоятельных дисциплин. В свою очередь, XIX в. и первая половина XX в. ушли на становление дисциплинарного корпуса социально-гуманитарного знания во всём разнообразии его предметной дифференциации и поисков интегративных методов выстраивания гуманитарных дисциплин.

Со второй половины XX в. новые направления в европейской гуманитаристике ориентировались на *отказ от* дисциплинарности в гуманитарном знании. Эта ситуация сохраняется и сегодня: современные постмодернистские практики, безусловно, междисциплинарны. Как бы концептуально авторы ни определяли свой эпистемологический интерес: «археология знания» (М. Фуко), «деконструкция знания» (Ж. Лакан, Ж. Деррида), «поэтология знания» (Й. Фогль) и т. п., они всегда настаивали на невозможности принять дисциплинарную структуру современного социально-гуманитарного знания, указывая на человека как на действующее лицо, которое нельзя разъять на предметные составляющие. Но обязательно ли современная междисциплинарность должна соответствовать идеям постмодернистов, или возможны иные концепции?

Вспомним идеи М. Хайдеггера из доклада «Наука и осмысление», прочитанного в 1953 г. «Неприметное положение вещей, – отмечал философ, – *таится* в науках», но и «науки покоятся в неприметном положении вещей, как река в своём источнике»; это положение вещей и подводит к месту, где «коренится существо науки» [15]. Не будем вдаваться в подробности комментирования приведённого текста, а зафиксируем то, что, как кажется, ясно: внутри предметной противопоставленности науки, в образе которой представлена действительность, невозможно обратиться «к вещам, *достойным* вопрошания» [15]. По Хайдеггеру, «отданность» этому «*достойному* вопрошания» и есть осмысление, у которого другая, принадлежащая философии, сущность [15].

Литература

1. *Гайдено П.П.* Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. – М.: Наука, 1980. – 567 с.
2. *Огурцов А.П.* Дисциплинарная структура науки: её генезис и обоснование. – М.: Наука, 1988. – 256 с.
3. *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.
4. *Малиновский П.В.* Исследование как профессия // Исследование (Подмосковье, 2002 г.). – URL: <http://www.shkp.ru/lib/archive/second/investigations/5>, свободный.

5. Проблема междисциплинарности в контексте реформ российской науки: Материалы «круглого стола» // *Философия науки и техники*. – 2016. – Т. 21, № 1. – С. 5–35.
6. *Кантор К.М.* Полезное и прекрасное в прикладном искусстве // *Декоративное искусство СССР*. – 1958. – № 6. – С. 33–38.
7. *Кантор К.М.* Возрождённый Баухауз // *Декоративное искусство СССР*. – 1964. – № 7. – С. 21–27.
8. *Кантор К.М.* Правда о дизайне. Дизайн в контексте культуры доперестроечного тридцатилетия (1955–1985). – М.: АНИР, 1996. – 284 с.
9. *Щедровицкий Г.П.* Дизайн в сфере проектирования. Методологическое исследование // *Теоретические и методологические исследования в дизайне: Избр. материалы / Сост. О.И. Генисаретский, Е.М. Бизунова*. – М.: Изд-во Школы Культурной Политики, 2004. – С. 65–221.
10. *Генисаретский О.И., Глазычев В.Л.* Мышление дизайнера. Средства и методы исследования проекторочной деятельности исследование // *Теоретические и методологические исследования в дизайне: Избр. материалы / Сост. О.И. Генисаретский, Е.М. Бизунова*. – М.: Изд-во Школы Культурной Политики, 2004. – С. 222–271.
11. *Щедровицкий Г.П.* Методологический смысл проблемы лингвистических универсалий // *Языковые универсалии и лингвистическая типология*. – М.: Знание, 1969. – С. 5–19.
12. *Щедровицкий Г.П.* Система педагогических исследований. Методологический анализ // *Педагогика и логика: Сб.* – М.: Касталь, 1993. – URL: http://lizard.jinr.ru/~tina/ritm/tanja/Tehnoology/gpm/gp_pl/gp_pil_2.html#f1002, свободный.
13. Методологические проблемы публикации философских текстов. Материалы конференции – «круглого стола» // *Вопр. философии*. – 2016. – № 3. – С. 3–51.
14. *Маяцкий М.* Изучать человека, оставаясь им [Рец. на *Thuillier G. Introduction au métier de l'historien: 2 t.* – Paris: Économica, 1998. – Т. I. L'histoire entre le rêve et la raison. – 876 p.; Paris: Économica, 2013. – Т. II. La pratique de l'histoire. – 870 p.] // *Логос*. – 2015. – Т. 25. – № 1. – С. 298–311.
15. *Хайдеггер М.* Наука и осмысление. – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Nauka.php, свободный.

Поступила в редакцию
30.05.16

Киселева Марина Сергеевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора методологии междисциплинарных исследований человека

Институт философии Российской академии наук
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 420008, Россия
E-mail: markiseleva@gmail.com

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)****2016, vol. 158, no. 4, pp. 1163–1172**

**Humanities Research and Projectivity: Disciplinary
and Interdisciplinary Strategies of Knowledge***M.S. Kiseleva**Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, 109240 Russia**E-mail: markiseleva@gmail.com*

Received May 30, 2016

Abstract

The paper makes a distinction between the methodological strategies of humanitarian disciplinary and interdisciplinary knowledge. It is alleged that the disciplinary structure of humanities is supported by a rigid connection between the objectivity of humanities and the research strategy of scholars working in their discipline area. Modern humanitaristics will lose its status without maintaining the disciplinary structure. Interdisciplinarity also requires a different methodological strategy, which is defined as projective by the author. The author refers the area of its development to a special kind of research work, i.e., to creation of such a space, which can not be appropriated by any discipline, but being a projective field for expansion of meanings in understanding the variety of possibilities of spatial and temporal conditions of humans, culture, and society.

The author shows the complexity and contradictions of the coexistence of these two strategies in the choice and justification of interdisciplinary communication language, practices of interdisciplinary growth strategies development, financing of interdisciplinary projects, determining the status of interdisciplinarity in the disciplinary structure of humanities. The paper discusses the problems of modern training practices in disciplinary research and mastery of interdisciplinary strategies in the face of ongoing reforms in liberal education. Interdisciplinary projective activity, according to the author, stimulates the development of educational digital technologies and multiplies the forms and types of humanistic communication, which makes it attractive to the new generation of humanities scholars.

Keywords: disciplinary and interdisciplinary knowledge, objectivity, projectivity, investigation, method, humanities, new educational technologies

⟨ **Для цитирования:** Киселева М.С. Гуманитарные исследования и проективность: дисциплинарные и междисциплинарные стратегии знания // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 4. – С. 1163–1172. ⟩

⟨ **For citation:** Kiseleva M.S. Humanities research and projectivity: Disciplinary and interdisciplinary strategies of knowledge. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 4, pp. 1163–1172. (In Russian) ⟩